

не есть ли это, въ самомъ дѣлѣ, идеаль чловѣка, и не съ этой ли цѣлью производились всѣ революціи? Вѣдь если люди все еще терпятъ надъ собою гнетъ эксплуататоровъ, если чловѣческій умъ до сихъ поръ томится въ тискахъ понятій капиталистическаго общества, то это потому, что общепринятыя взгляды, рутина, предразсудки и невѣжество брали всегда верхъ надъ мечтами о свободѣ и стремленіемъ къ независимости и заставляли тѣхъ самыхъ людей, которые только что изгнали тѣхъ, кто господствовалъ надъ ними, вмѣсто освобожденія, избрать себѣ новыхъ господъ.

Анархическія идеи пролили свѣтъ не только въ умы рабочихъ, но и въ умы всевозможныхъ мыслителей, которымъ онѣ помогли разобраться въ своихъ собственныхъ чувствахъ, показали настоящія причины окружающей бѣдности и средства для ея устраненія, показали въ чемъ цѣль и гдѣ ведущій къ ней путь, объяснили, почему всѣ прошлыя революціи кончались неудачей.

Именно этой тѣсной связью анархическихъ идей съ сокровенными чувствами чловѣка и объясняется ихъ быстрое развитіе; именно она придаетъ имъ силу и дѣлаетъ ихъ неуязвимыми. Напрасно направляются на нихъ и на ихъ пропагандистовъ и злоба правительствъ, и различныя репрессивныя мѣры, и ненависть неудовлетвореннаго тщеславія: онѣ уже проложили себѣ дорогу, и ничто не можетъ помѣшать имъ развиваться и стать идеаломъ всѣхъ обездоленныхъ, лозунгомъ всѣхъ ихъ попытокъ къ освобожденію.

Капиталистическое общество такъ узко и мелочно, всякое широкое стремленіе въ немъ такъ подавляется, оно убиваетъ столько хорошихъ побужденій, оскорбляетъ въ большей или меньшей степени личное достоинство столькихъ людей, не могущихъ примириться съ узостью господствующихъ въ немъ понятій, что если бы даже ему удалось заглушить на время голосъ современныхъ анархистовъ, то скоро само угнетеніе вызвало бы къ жизни новое поколѣніе ихъ, такое же непримиримое.

Глава II.

ИНДИВИДУАЛИЗМЪ И СОЛИДАРНОСТЬ.

«Анархія и коммунизмъ несовмѣстимы», говорятъ намъ многіе недобросовѣстные противники, мало заботящіеся о выясне-

ни вопроса. «Коммунизмъ, это — организація; онъ стѣсняетъ развитіе личности, а потому мы не хотимъ его. Мы — индивидуалисты, анархисты и больше ничего», говорятъ съ другой стороны нѣкоторые, даже искренніе люди — люди, которымъ хочется быть болѣе крайнимъ, чѣмъ ихъ товарищи, и которые, не обладая оригинальностью мысли, стараются преувеличить извѣстныя идеи, доводя ихъ до абсурда. А около нихъ группируются и тѣ личности, которыхъ правительствамъ всегда выгодно послать въ среду своихъ противниковъ для поселенія въ ней раздора.

И вотъ анархисты начинаютъ спорить объ анархизмѣ, коммунизмѣ, инициативѣ, организаціи, о вредномъ или полезномъ, влияніи группировки, объ эгоизмѣ и альтруизмѣ и еще о массѣ вещей, одна нелѣпѣе другой, потому что въ результатѣ этихъ споровъ между добросовѣстными противниками въ концѣ концовъ оказывается, что всѣ стремятся къ одному и тому же, придавая только цѣли своихъ стремленій различныя названія.

Въ самомъ дѣлѣ, анархисты, заявляющіе себя коммунистами, первые готовы признать, что не личность создана для общества, а наоборотъ общество имѣетъ цѣлью доставить личности наиболѣе благопріятныя условія для ея развитія. Когда нѣсколько человекъ соединяются вмѣстѣ и соединяютъ свои усилія то они очевидно дѣлаютъ это для того, чтобы получить возможно большую сумму наслажденій при наименьшей затратѣ силъ. Они вовсе не имѣютъ намѣренія принести свою инициативу, свою волю, свою личность въ жертву какой-то отвлеченности, которая не существовала передъ тѣмъ, какъ они соединились, и перестанетъ существовать, какъ только они разойдутся.

Сберечь свои силы и вмѣстѣ съ тѣмъ добиться отъ природы предметовъ, необходимыхъ для существованія, получить которые можно только соединенными усиліями — такова была, несомнѣнно, цѣль первыхъ, начавшихъ группироваться, человѣческихъ существъ; во всякомъ случаѣ, эта цѣль, если и не была признана, то молчаливо подразумѣвалась въ первыхъ человѣческихъ обществахъ, которыя, можетъ быть, даже были временными и распались, какъ только намѣченное дѣло было выполнено.

Итакъ, никто изъ анархистовъ не собирается подчинить существованіе личности потребностямъ общества.

Полная свобода личности во всѣхъ проявленіяхъ ея дѣятель-

ности — таково наше общее требованіе. Когда же являются люди, которые отрицают организацію, признают только личность и говорят, что имъ нѣтъ дѣла до общества, что правиломъ поведенія долженъ быть личный эгоизмъ, что поклоненіе собственному я должно стоять выше всѣхъ гуманныхъ соображеній, — и при этомъ считаютъ себя болѣе крайними чѣмъ другіе, то это показываетъ только одно: что они никогда не изучали психической и физической организаціи человѣка и даже никогда не пытались отдать себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ чувствахъ; они не имѣютъ никакого представленія о жизни современнаго человѣка, о его физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ потребностяхъ.

Въ современныхъ обществахъ намъ приходится иногда видѣть такихъ полныхъ эгоистовъ: Делобелли, Гіальмары Эйкдали нерѣдки и встрѣчаются не только въ романахъ. Иногда — хотя и не особенно часто — случается встрѣчать такихъ людей, думающихъ только о себѣ, не видящихъ ничего въ мірѣ кромѣ собственной личности. Если они сидятъ за столомъ, они безъ церемоній берутъ себѣ лучшей кусокъ; они расточительны внѣ дома, въ то время какъ ихъ семья умираетъ съ голоду. Они принимаютъ какъ должное всевозможныя жертвы со стороны всѣхъ — отца, матери, жены, дѣтей — а сами спокойно сидятъ сложа руки, или безъ церемоній пользуются жизнью. Чужія страданія не идутъ въ счетъ, — лишь бы только въ ихъ собственномъ существованіи все шло гладко. Мало того, они даже не замѣчаютъ, что другіе страдаютъ ради нихъ и изъ-за нихъ: когда они сыты и довольны, имъ кажется, что и все человѣчество счастливо и отдыхаетъ. Таковъ типъ настоящаго эгоиста въ абсолютномъ смыслѣ слова, но это вмѣстѣ съ тѣмъ и типъ вполне ничтожной личности. Даже самый отвратительный буржуа не приближается къ этому типу: онъ все-таки иногда любитъ своихъ близкихъ или, во всякомъ случаѣ, питаетъ къ нимъ какое-то чувство, похожее на любовь. Мы не думаемъ, чтобы даже самые искренніе сторонники индивидуализма хотѣли возвести этотъ типъ въ идеалъ будущаго человѣчества. Съ другой стороны, и анархисты-коммунисты вовсе не хотятъ проповѣдывать для будущаго общества самопожертвованіе личности и ея отказъ отъ собственного блага. Но, отрицая отвлеченное понятіе объ «обществѣ», они отрицаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то отвлеченное понятіе

объ «индивидуумъ», которое стремились создать ихъ противники, доводя, такимъ образомъ, теорію до абсурда.

Личность имѣетъ право на полную свободу, на удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей — это несомнѣнно. Но такъ какъ на земномъ шарѣ существуетъ больше миллиарда такихъ личностей, если и не съ равными потребностями, то съ равными правами, то всѣмъ этимъ правамъ нужно дать удовлетвореніе такъ, чтобы они не мѣшали другъ другу: иначе произойдетъ угнетеніе однихъ другими и совершаемая революція окажется бесполезной.

Нашъ чудовищный общественный строй, основанный на антагонизмѣ интересовъ, ставитъ людей въ враждебное отношеніе другъ къ другу и заставляетъ ихъ грызться между собою для обезпеченія себѣ возможности существовать; это въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ путаницѣ въ понятіяхъ. Въ настоящемъ обществѣ приходится быть или воромъ, или обкрадываемымъ, или угнетателемъ, или угнетаемымъ — середины нѣтъ. Тотъ, кто хочетъ помочь другому, часто рискуетъ быть олураченнымъ; отсюда плохо разсуждающій человекъ выводитъ заключеніе, что люди не могутъ жить, не борясь другъ съ другомъ.

Анархисты же говорятъ, напротивъ, что общество должно быть основано на самой тѣсной солидарности. Въ томъ обществѣ, къ осуществленію котораго они стремятся, счастье одного не должно, даже въ малѣйшей степени, быть въ ущербъ другому; наоборотъ, благосостояніе одной личности должно вытекать изъ благосостоянія всѣхъ; если независимости или благополучію одной какой-нибудь личности будетъ нанесенъ ущербъ, то нужно, чтобы этотъ ущербъ чувствовался и всѣми остальными, чтобы они въ силу этого могли исправить сдѣланное зло. Пока же этотъ идеалъ не осуществится, пока эта цѣль не будетъ достигнута, всѣ ваши общества, будутъ только организованнымъ произволомъ, противъ котораго угнетенныя личности будутъ имѣть полное право протестовать.

Если бы человекъ могъ жить одинъ, если бы онъ могъ вернуться къ первобытному состоянію, намъ нечего было бы говорить о томъ, какъ онъ будетъ жить: каждый жилъ бы какъ хочетъ. Земля достаточно велика, чтобы дать пріютъ всѣмъ, но дала ли бы она достаточно для всѣхъ пропитаніе, если ее предоставить самой себѣ? Въ этомъ далеко нельзя быть увѣреннымъ; результатомъ, вѣроятно, явилась бы ожесточенная борьба между личностями, «борьба за существованіе» первобыт-

ныхъ времянь во всемъ ея ужасѣ. Весь ходъ эволюціи пришлось бы начинать сначала: болѣе сильныя стали бы пригнѣнять болѣе слабыя, а затѣмъ ихъ мѣсто заняли бы люди ловкіе, причемъ сила денегъ замѣнила бы собою силу физическую.

Если намъ пришлось пережить весь этотъ періодъ кровопролитія, нищеты и эксплуатаціи, называемой человѣческой исторіей, то это зависѣло именно отъ того, что человѣкъ былъ эгоистомъ въ полномъ смыслѣ слова, безъ всякаго смягченія, безъ всякаго противодѣйствующаго вліянія. Во всякой ассоціаціи онъ видѣлъ прежде всего средство для удовлетворенія своей непосредственной потребности. Когда ему представлялась возможность поработить болѣе слабого, онъ дѣлалъ это безъ всякихъ стѣсненій; онъ не видѣлъ ничего кромѣ той работы, которую можетъ произвести поработенный, и не думалъ о томъ, что необходимость надзора за нимъ и необходимость подавлять въ будущемъ различныя возстанія въ концѣ концовъ потребууетъ столько же труда и что выгоднѣе было бы работать вмѣстѣ, помогая другъ другу. Такимъ образомъ установилась власть и собственность, и если мы хотимъ ихъ уничтожить, то уже во всякомъ случаѣ не для того, чтобы начать сызнова всю прошлую эволюцію.

Если мы допустимъ, что человѣкомъ долженъ руководить лишь одинъ чистый эгоизмъ, лишь поклоненіе собственному я, то это будетъ значить, что онъ долженъ бросить голову въ общую свалку и стремиться только удовлетворить самого себя, не заботясь о томъ, не мѣшаетъ ли это кому-нибудь другому. Сказать это — значить сказать, что будущая революція должна произойти въ пользу болѣе сильныхъ, что новое общество должно быть основано на вѣчныхъ столкновеніяхъ между личностями. А если такъ, то намъ нечего было бы ссылаться на идею всеобщаго освобожденія; тогда оказалось бы, что мы возмущаемся противъ современнаго общества только потому, что его капиталистическая организація мѣшаетъ лично намъ пользоваться его благами.

Возможно, что среди людей, называющихъ себя анархистами, были и такіе, которые становились на эту точку зрѣнія. Можетъ быть, именно отъ этого зависитъ фактъ измѣны и превращеній тѣхъ, которые сначала были самыми яркими, а затѣмъ перешли въ ряды защитниковъ существующаго строя, потому что это оказалось для нихъ болѣе выгоднымъ.

Конечно, мы боремся съ современнымъ обществомъ, потому что оно не даетъ удовлетворенія нашимъ стремленіямъ, но мы понимаемъ, что въ нашихъ интересахъ, чтобы это удовлетвореніе потребностей было распространено на всѣхъ членовъ общества.

Человѣкъ всегда эгоистъ, онъ всегда стремится сдѣлать изъ своего я центръ вселенной. Но по мѣрѣ того, какъ его умъ развивается, онъ начинаетъ понимать, что если его я требуетъ удовлетворенія, то есть и другія я, которыя требуютъ того же самаго и, чувствуя себя неудовлетворенными, начинаютъ заявлять о своихъ правахъ. Вотъ почему мистики и люди сентиментальные стали проповѣдывать самоотреченіе и самопожертвованіе ради другихъ.

Понемногу, однако, несмотря на продолжающуюся проповѣдь принесенія личности въ жертву обществу — проповѣдь, не меньше грубой силы содѣйствовавшую его поддержанію — произволь началъ смягчаться, предоставляя все большій просторъ развитію личности. Если узкій, дурно понятый эгоизмъ мѣшаетъ развитію общества, то, съ другой стороны, самоотреченіе и духъ самопожертвованія оказываются вредными для личности. Не всякій можетъ жертвовать собою для другихъ, особенно если эти другіе ему посторонніе. Въ концѣ концовъ такое самопожертвованіе можетъ оказаться даже вреднымъ для человѣчества, потому что оно даетъ просторъ господству умовъ узкихъ и эгоистическихъ, въ дурномъ смыслѣ этого слова, и такимъ образомъ доставляетъ преобладаніе наименѣе совершенному типу человѣчества. Чистый альтруизмъ въ точномъ смыслѣ слова точно также не можетъ поэтому прочно утвердиться, какъ и эгоизмъ.

Но если, взятые въ отдѣльности и доведенные до крайности, эгоизмъ и альтруизмъ оказываются оба вредными какъ для личности, такъ и для общества, то, соединившись въ одно, они образуютъ третье начало, которое и должно лечь въ основаніе будущихъ обществъ. Это начало — солидарность.

Предположимъ, что насъ нѣсколько человѣкъ и что мы соединяемся съ цѣлью удовлетворенія какой-нибудь потребности. Если въ нашей ассоціаціи нѣтъ ничего принудительнаго, никакого произвола, а она обуславливается исключительно нашими нуждами, то мы очевидно внесемъ въ нее тѣмъ больше энергій, чѣмъ сильнѣе мы будемъ чувствовать данную потребность. Всѣ мы участвуемъ въ производствѣ, и всѣ мы имѣемъ очевидно пра-

во на потребленіе, а такъ какъ для того, чтобы имѣть возможность удовлетворить потребностямъ всѣхъ, эти потребности будутъ разсчитаны заранее (включая сюда и новыя потребности, которыя можно будетъ предвидѣть), то въ распределеніи продуктовъ безъ труда установится солидарность. Недаромъ говорить, что взглядъ человѣка можетъ обнять больше чѣмъ сколько входитъ въ его желудокъ: чѣмъ сильнѣе будетъ у него какое-нибудь желаніе, тѣмъ дѣятельнѣе онъ будетъ стремиться къ его осуществленію, и такимъ образомъ произведетъ не только все то, что нужно для его сотоварищей, но сможетъ удовлетворить даже и тѣхъ, у которыхъ явится желаніе обладать даннымъ предметомъ только тогда, когда онъ будетъ уже существовать. Потребности человѣка безконечно разнообразны; также безконечно разнообразны будутъ виды его дѣятельности и средства къ удовлетворенію этихъ потребностей, и именно это разнообразіе будетъ содѣйствовать общей гармоніи.

Въ нашемъ обществѣ, гдѣ люди, для полученія необходимыхъ для жизни предметовъ, привыкли всегда разсчитывать на чужой трудъ, они преслѣдуютъ только одну цѣль: достать себѣ побольше денегъ, чтобы имѣть возможность купить себѣ что угодно; а такъ какъ ручной трудъ едва позволяетъ человѣку не умереть съ голоду, то всякій, кто можетъ, старается добыть себѣ денегъ какимъ-нибудь инымъ путемъ, только не трудомъ: одинъ становится чиновникомъ, другой журналистомъ (причемъ не останавливается и передъ шантажемъ); тотъ, у кого есть нѣкоторый капиталъ, начинаетъ торговать, увеличивать свой доходъ, обманывая своихъ согражданъ, занимается спекуляціей и ажіотажемъ, или же эксплуатируетъ чужой трудъ. Люди прибѣгаютъ къ всевозможнымъ низостямъ и не дѣлаютъ единственнаго дѣла, которое могло бы удовлетворить всѣхъ: не занимаются полезнымъ, производительнымъ трудомъ. Каждый заботится только о себѣ, совершенно не думая о тѣхъ, кому онъ наноситъ ущербъ; отсюда тотъ безрасудный эгоизмъ, который сталъ, по видимому, единственнымъ двигателемъ человѣческихъ поступковъ.

Но по мѣрѣ того какъ человѣкъ развивается, онъ перестаетъ жить только ради себя одного; типъ дѣйствительно развитога эгоиста, это — человѣкъ, который страдаетъ отъ страданій окружающихъ, который не можетъ наслаждаться, когда онъ знаетъ, что его наслажденіе покупается благодаря недостаткамъ

нашего общественнаго устройства, цѣною чужога страданія. Въ средѣ буржуазіи встрѣчаются люди съ очень развитою чувствительностью; если вліяніе среды, воспитанія, наслѣдственности не помѣшаютъ имъ думать объ общественныхъ бѣдствіяхъ и отдавать отчетъ въ собственной жизни, они начинаютъ стараться по возможности облегчить эти бѣдствія путемъ благотворительности. Развиваются различныя благотворительныя учрежденія; но вслѣдствіе привычки смотрѣть на настоящее общественное устройство, какъ на нормальное, а на бѣдность — какъ на явленіе, долженствующее существовать вѣчно, всѣ эти учрежденія носятъ сухой, пиквизиторскій характеръ.

Дѣло въ томъ, что для человѣка, родившагося, воспитавшагося, развившагося въ тепличной атмосферѣ благосостоянія и роскоши, очень трудно, даже невозможно безъ какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствъ, начать сомнѣваться въ законности того положенія, которымъ онъ пользуется. Что же касается разбогатѣвшаго выскочки, то для него это еще труднѣе, потому что онъ убѣжденъ, что достигъ своего настоящаго положенія исключительно благодаря своему труду и своимъ талантамъ. Религія, политическая экономія и буржуазное самодовольство столько разъ повторяли намъ, что трудъ — наказаніе, а бѣдность — послѣдствіе непредусмотрительности, что трудно ожидать, чтобы человѣкъ, которому никогда не приходилось бороться съ судьбой, не считалъ себя существомъ высшей породы. Съ того момента, когда онъ начнетъ въ этомъ сомнѣваться, когда онъ примется изучать современное общественное устройство, если только онъ способенъ понять его недостатки, всѣ его удовольствія будутъ отравлены въ самомъ ихъ источникѣ. Мысль, что роскошь, которою онъ пользуется, покупается цѣною бѣдствій цѣлой массы рабочихъ, что каждое его удовольствіе оплачено страданіями тѣхъ, кто жертвовалъ собою, чтобы создать его, сдѣлается для него источникомъ страданій. И если въ этомъ человѣкѣ, наравнѣ съ чувствительностью, развито и стремленіе къ борьбѣ, то изъ него выйдетъ революціонеръ, борющійся съ существующимъ общественнымъ строемъ, который не можетъ обезпечить ему даже умственнаго и нравственнаго удовлетворенія.

Не нужно забывать, въ самомъ дѣлѣ, что социальный вопросъ не исчерпывается одною матеріальною стороною жизни. Конечно, мы боремся прежде всего за то, чтобы всѣ были сыты, но на-

ши требованія на этомъ не останавливаются: мы боремся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и за возможность для всякаго развивать свои способности, пользоваться тѣми умственными наслажденіями, которыхъ требуетъ его мозгъ. Для многихъ анархистовъ вопросъ, правда, ставится иначе, и отсюда-то и вытекаютъ всѣ эти разнообразныя толкованія и споры объ эгоизмѣ, альтруизмѣ и т. п. Вопросъ о хлѣбѣ — вопросъ первостепенной важности, но для самаго успѣха революціи было бы очень опасно ограничиваться имъ однимъ, потому что въ такомъ случаѣ можно было бы принять и идеалъ социалистическаго государства, которое можетъ и должно обезпечить всѣмъ удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей.

Если бы будущая революція ограничилась въ своихъ требованіяхъ однимъ вопросомъ матеріальной жизни, ей грозила бы опасность остановиться на полъ-пути, выродиться въ какую-то оргію, послѣ которой революціонеры легко сдѣлались бы добычей штыковъ буржуазной реакціи. Къ счастью, этотъ вопросъ, наиболѣе важный — мы вполне съ этимъ согласны — для міра рабочихъ, совершенно лишенныхъ, вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливающейся безработицы, возможности быть увѣренными въ завтрашнемъ днѣ, не есть единственный вопросъ, разрѣшеніе котораго предстоитъ будущей революціи. Несомнѣнно, что первое, что должны будутъ сдѣлать анархисты для обезпеченія успѣха революціи, это — завладѣть общественнымъ богатствомъ, призвать обездоленныхъ захватить магазины, орудія и землю, устроиться въ здоровыхъ квартирахъ, разрушить тѣ трущобы, въ которыхъ они вынуждены жить теперь; возставшій народъ долженъ будетъ уничтожить всѣ документы, устанавливающіе права на собственность; нотаріальные документы, кадастры, записи — все это должно быть пересмотрѣно и «очищено». Но для выполненія всей этой работы мало людей просто голодныхъ: для этого нужны люди, сознающіе свое личное достоинство, ревниво стоящіе за свои права, твердо стремящіеся къ завоеванію ихъ и умѣющіе ихъ защитить. Вотъ почему для этого переворота недостаточно разрѣшенія одного вопроса матеріальнаго обезпеченія. И вотъ почему, рядомъ съ требованіемъ права на существованіе, которое ставятъ анархисты, возникаютъ всевозможные вопросы науки, искусства, философіи, которые анархистамъ приходится изучать и выяснять, такъ что анархическія идеи должны обхватить собою всѣ области человѣческаго знанія. Повсюду

онѣ черпаютъ аргументы въ свою пользу, повсюду онѣ находятъ сторонниковъ, которые приносятъ имъ свои требованія и свои знанія. Человѣческія знанія такъ обширны, что даже наиболѣе одаренные умы могутъ вмѣстить лишь часть ихъ; поэтому идея анархизма не можетъ сконцентрироваться въ умахъ нѣсколькихъ личностей, которыя начертали бы ей границы и предписали бы программу: она можетъ разрабатываться только общими усилиями, когда каждый вкладываетъ въ нее свои знанія, и это то именно и составляетъ ея силу, потому что только такое сотрудничество всѣхъ можетъ дать ей возможность стать выразительницей стремленийъ человѣчества.

Глава III

МОЖНО ЛИ УПРЕКНУТЬ НАСЪ ВЪ ОТВЛЕЧЕННОСТИ?

«Ваша идея слишкомъ отвлеченна», часто говорятъ намъ многіе изъ тѣхъ, кто думаетъ, что, обращаясь преимущественно къ рабочимъ, мы достигли бы своей пропагандой большихъ результатовъ, если бы не ставили вопросы такъ широко.

Выше мы уже видѣли, что само развитіе идей заставляетъ насъ заниматься такими вопросами, которые не всегда доступны нашей публикѣ; это — неизбежное явленіе, которому намъ приходится подчиняться и противъ котораго мы ничего не можемъ сдѣлать. Не споримъ, для людей, только что начинающихъ знакомиться съ общественными вопросами, наша литература кажется иногда сухой и отвлеченной; но развѣ наша вина, если таковъ самъ предметъ, который мы разсматриваемъ и должны разсматривать? Развѣ наша вина, если защищаемая нами идея тѣсно сплетается между собою, сливается со всѣми отраслями человѣческаго знанія и, въ силу этого, заставляетъ всякаго, кто хочетъ выяснитъ ихъ себѣ, заняться изученіемъ такихъ предметовъ, въ которыхъ онъ раньше вовсе не предвидѣлъ надобности? Да, кромѣ того, развѣ предварительная работа, которую намъ предлагаютъ ограничиться, не сдѣлана уже тѣми социалистами, которые были нашими предшественниками? Развѣ сама буржуазія не разрушаетъ своего общества? Развѣ даже различные честолюбцы — радикалы и болѣе или менѣе истинные социалисты — не стараются всѣми силами доказать рабочимъ, что современное общество ничего не можетъ для нихъ